

МЕДЕЛИН — КРЫЛАТАЯ ОРЛИЦА



НАТАША ДОЛ

18+

Наташа Дол

Меделин - Крылатая Орлица

<https://litres.ru/74064771>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ее продали в 14. Ее учили молчать.

1872 год, Дикий Запад. Меделин — «товар» в салуне городка Деррил. Но одна книга, один индеец и одно орлиное перо меняют все.

Она бежит. Становится сестрой милосердия в Сан-Франциско. Выходит замуж за ковбоя, который однажды не пришел на чай.

А когда банда решает спалить Деррил дотла, Меделин возвращается. Без револьвера. С памятью, милосердием и бочкой нефти.

Это история в духе «Четырех ветров» и «Прислуги». Вестерн, где стреляет слово, а спасает прощение. Роман о том, как девочка, лишённая голоса, обретает крылья. И доказывает: самые сильные пожары тушат не водой. Их тушат выбором.

Для тех, кто верит, что после самого темного ада может начаться рассвет.

Обложка сделана

Содержание

Глава 1. Ромовые слюни	4
Глава 2. Долг Эндрю	12
Глава 4. Язык реки	23
Глава 5. Новенькая с шахты	30
Глава 6. Аукцион ангела	35
Глава 7. Плащ-невидимка	41
Глава 8. Маленький синий флакон	49
Глава 9. Точки на теле	55
Глава 10. Голос из пепла	59
Глава 11. Змеиные ягоды	67
Глава 12. Шрамы на спине	77
Глава 13. Рукокрылая Орлица	85
Глава 14. Визит губернатора	92
Глава 15. Записка для Сэра Генри	100
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Наташа Дол Меделин - Крылатая Орлица

Глава 1. Ромовые слюни

Внизу в баре играла музыка. Слышались пьяные окрики местных ковбоев и заезжих скотогонов. По сути, они и сами сейчас напоминали потный скот, завернутый в телячьи шкуры. Из этих шкур были сшиты их штаны и высокие сапоги со шпорами.

Эльвира охала, сжимая ногами крепкие бедра своего смуглого красавца. Уже неделю, как он появился в городке и заказал виски. Она его обслужила и сама напросилась расслабить его уставшие с дороги чресла. Боялась, как бы другая не увела к себе.

Эльвире до ужаса опостылели все эти пьяные мерзкие рожи, лобызаяющие с ромовыми слюнями ее грудь. Этот незнакомец, напротив, был свеж и молод. А глаза так и горели огнем сильного жеребца.

Его звали Эндрю, и он был родом из Канзаса. Как и любой молодой женщине, даже работающей в борделе, Эльвире грезились тот, кто полюбит ее и вытащит из грязи. И когда появился Эндрю, в ней зашевелилась надежда. Парень продавал сукно и обменивал его на зерно. Она уже представляла, как он заберет ее и увезет туда, где можно начать жизнь заново. Туда, где тебя никто не знает и не будет прямо на улице хлопать по бедрам или щипать за грудь.

— Я вас провожу, — ухватилась она за молодого красавца и почти поволокла за собой на второй этаж. Там в ряд располагались тесные комнатки проституток.

Едва захлопнув дверь, Эндрю, распаленный ее желанием, схватил девушку в охапку и усадил на тумбочку. Задрал ситцевую юбку и белый подъюбник. Эльвира ахнула и обвила руками его шею. Чуть выступающая щетина защекотала ей шею. Дрожь пробежала по телу. Как давно она такого не испытывала. Эльвира запрокинула голову, позволяя себя целовать. Ее руки опускались по спине и дошли до кожаной кобуры, что отделяла ее от упругих мужских ягодиц. Эндрю понял ее нетерпение, и кобура с грохотом упала на пол. Его губы впились в ее, а руки судорожно расстегивали тугую пуговицу. Эльвира простонала и ногами ухватилась за его бедра, плотнее прижимая к себе. Пара слилась в неистовстве молодости, издавая то стоны, то рыки, похожие на звериные.

— Еще, еще... — выкрикивала она, наслаждаясь силой трезвого красивого мужчины, полного сил и страсти.

Они долго еще кувыркались в кровати. То вскакивали, то падали на пол, смеялись, смотрели проникновенным взглядом друг другу в глаза, стараясь познать души.

После встречи с Эльвирой Эндрю находил причины откладывать отъезд и уже неделю проводил свободное время в ее комнате наверху увеселительного заведения, где она и жила.

Другие девушки уже с завистью поглядывали на них, с омерзением отталкивая от себя похотливые руки одних и тех же посетителей.

И в этот день, поглощенные собой, своим единством, влюбленные так же использовали тумбочку и наслаждались близостью. Снизу доносился привычный грохот падающих табуреток и грубые ругательства картежников.

— Ужо я тебя люблю, сокол мой, — простонала девушка, опьяненно заглядывая в глаза любовника.

Эндрю в знак признания сильнее прижал ее к себе. И в

этот момент на улице перед самым входом послышался скрежет останавливающегося фургона и ржание лошадей. Почти сразу раздались удивленные, любопытные возгласы:

— Что там стряслось?

Эльвира, раздираемая страстью и любопытством, громко застонала и руками обхватила бедра Эндрю, заставляя его поскорее закончить. Он бы, наверное, еще понаслаждался ее цепкими ножками и изгибающимся в агонии страсти телом, но ее пыл заметно переместился на то, что происходило снаружи. Словно раненый зверь, он взревел и оторвался от еще горячего тела Эльвиры. Заправляя вывалившуюся грудь в платье, она поспешила к окну.

Толпа сочувствующих и просто зевак окружила два фургона. Один принадлежал жене владельца борделя. На нем она с управляющим ездила на ярмарку. А из второго выносили чьи-то тела.

Из отрывков бурной речи толпы Эльвира поняла только, что по дороге назад они нашли ограбленный фургон и убитых разбойниками владельцев.

Жизнь в Дерриле ничем не выделялась: ни праздников, ни будней, одни и те же пьяные дебоширы и похотливые мо-

золистые руки. Для Эльвиры такое происшествие было уже большим событием. И, позабыв о страстном любовнике, она поспешила вниз узнать подробности.

Полноватая, вечно неопрятная хозяйка Эшли махала руками, приказывая занести внутрь и положить на стол какое-то хрупкое тело.

Эльвира растолкала пьяных зевак и увидела девочку-подростка. Пепельно-бледное лицо казалось мертвым, но девочка дышала.

— Позовите доктора! — кричали на разные голоса.

И местный лекарь был тут как тут. Его аптека и кабинет для приема были через дорогу. В фартуке, забрызганном старыми засохшими пятнами, с засученными рукавами и растрепанными волосами он склонился над ребенком, считая ее пульс. Сунул ей под нос нашатырь. Никаких ран на ее теле не было видно. Она задышала учащенно и заморгала длинными ресницами.

— У нее просто шок. Жить будет.

— Кто они такие? Кто-нибудь их знает? — обратился доктор к присутствующим.

Одни пожимали плечами, другие строили предположения, что это была семья переселенцев. По дороге на них напала шайка бандитов, обокрали, убили родителей, а ребенок спрятался за камни, где ее и нашли.

Эльвира вытащила платок, смочила водой и осторожно протерла пыль с лица девочки. Та медленно открыла глаза и с испугом смотрела на озабоченные лица, склонившиеся над ней. Тут перед ее глазами пробежали события последних часов, и она в испуге встрепенулась, попыталась вскочить и закричать.

Эльвира поспешила прижать ее к груди:

— Поплачь, милая, поплачь. Их уже не вернешь... но ты жива, все наладится...

Доктор встал и вытер руки о рубашку:

— Дайте ей выпить сидра, пусть успокоится. А потом накормите куриным бульоном и уложите спать. У нее сильный стресс.

Девочка словно поняла, куда она попала и что произошло. Круглыми от ужаса глазами смотрела сквозь людей куда-то

в пустоту и всхлипывала.

Эльвира приказала отнести ее к себе в комнату и пообещала о ней позаботиться.

Всю ночь она не спала, глядя волосы ребенка. А у самой из глаз текли слезы. Она тоже рано осталась сиротой. Пьяный отец убил мать от ревности, а дочку отдал в бордель за долги. А через неделю его нашли в прериях. Грифы его расклевали так, что опознали только по кулону.

Эльвира начала свою карьеру юной шлюхи со швабры. Ею она вымывала блевотину из-под карточных столов, а рукояткой шлепала по рукам усатых мужей, пытающихся задрать ей юбку во время уборки. А затем настало время первой, самой дорогой ночи. Невинность ее была продана ростовщику, а затем она стала самой прибыльной девкой, имея пышные формы и смазливое личико.

И теперь в несчастном ребенке она видела свою жизнь. Все повторялось, с небольшими поправками. И у этой сироты не оставалось впереди никаких просветов.

Под утро Эльвира задремала и проснулась от стука в дверь. Хозяйка Эшли пришла проведать найденыша. Девочка лежала с открытыми глазами и, не моргая, остекленелым

взглядом смотрела на потолок.

Эльвира потрогала ее лоб — жара не было. Но у ребенка не было желания жить.

— Как тебя зовут, детка? — спросила сочувственно Эшли, но ответа не последовало. Женщина почесала чепчик на затылке, обвела взглядом страдающую и опухшую после зарезанной ночи Эльвиру и протянула: — Тогда я назову тебя Меделин. Такого имени у нас в доме еще не было, — и вышла, не закрыв до конца дверь.

В этот момент девочка повернула лицо в ее сторону и проводила осознанным взглядом, а потом безучастно наблюдала, как по коридору, хватая в охапку хихикающую барышню, спешил в соседнюю комнату пузатый мужичок. И еще долго через стену был слышен шум борющихся тел.

Эльвира прижала к себе ребенка и прошептала:

— Ужо я позабочусь о тебе. Будешь мне сестрой.

Только к вечеру девочка немного оправилась и встала с постели. Подошла к открытому окну и, прислонившись виском к косяку, посмотрела на небо.

Глава 2. Долг Эндрю

Забота о девочке отвлекла Эльвиру от ее горячего любовника, и Эндрю все же решился уехать. Пообещал вернуться как можно быстрее, продав зерно.

Новую жительницу этого убогого дома вольностей все называли Меделин, и она не сопротивлялась. Словно понимала: кем бы она ни была раньше, та жизнь осталась позади. В этой реальности она стала другим человеком.

Девочка не разговаривала, и никто не знал, немая она или все еще в глубокой скорби. По ее хрупкому, еще плохо сформированному телу ей давали лет 11-12.

В итоге все быстро встало на свои места, и через пару дней мало кто уже заговаривал о происшествии. Ее родителей схоронили, а Эльвира никак не решалась отвезти Меделин на могилу попрощаться. Девочка тоже не выказывала такого желания.

Ей поручили мыть посуду и стирать белье вместе со старшими, престарелыми шлюхами. Их теперь чаще использовали лишь как прислугу, а для утех звали, только когда моло-

дые были заняты.

Девочка молча и послушно выполняла все поручения, ни на что не жаловалась, ела что давали. Вызывала только жалость, даже у пошлых завсегдатаев. Те и не пытались смотреть на нее иначе, чем на обездоленного ребенка.

Хозяйка борделя часто посылала Меделин в лавку суконщика со списком заказов. Девушкам то и дело приходилось шить новые платья. В порыве пьяной страсти нетерпеливые клиенты неистово их рвали.

По пути девочка заглядывала к аптекарю и подолгу с любопытством разглядывала его склянки, баночки с пахучими порошками, принюхивалась к мазям. Любила наблюдать, как аптекарь, он же доктор по совместительству, останавливал кровь, перевязывал и обрабатывал гноящиеся раны. Лечил как людей, так и лошадей. Видя ее интерес, аптекарь начал надеяться сделать ее своей ученицей и помощницей.

Освальд, так его звали, был выходцем из Норвегии. Вместе с родителями приехал из Европы в поисках светлого будущего, но столкнулся с еще большими проблемами. Защищались то от индейцев, то от разбойников, свободно разгуливающих по бескрайним прериям. Родители Освальда попытались разводить скот, но постоянные нападения и засуха

их обескровили. Ферму пришлось продать и перебраться на прииски. Но и там, кроме холеры, не нашлось ни одного, хотя бы малюсенького, слитка. И будучи подростком, парень зарекся никогда не заводить семью, чтобы дети не страдали от ранней потери родителей.

Пришлось ему самому устраиваться подмастерьем то к кожевнику, то к пивовару, пока, наконец, не нашел свое призвание в лекарстве. Его умение быстро заживлять раны принесло ему любовь и благодарность жителей городка. Те помогли собрать средства и отправить его в Бостон обучаться медицине, взяв с него обещание обязательно вернуться к ним и стать их спасителем. Так он и поступил, сдержал слово. И хотя в Бостоне был влюблен в одну медсестру, но заклятие давило на него, и он отрекся от любви, едва не доведя отношения до алтаря. На этом его личная жизнь и закончилась. Иногда его видели в обществе какой-то развратницы, но никто не был уверен, приходила ли она его утешить или полечиться.

И вот этот Освальд, которому было уже около сорока, вечно хмурый, с насупленными бровями, постоянно привыкший делать строгий вид, чтобы пациенты слушались его наставлений, глядя на юную посетительницу, начал, даже сам не замечая, слегка улыбаться. Было в этом ребенке что-то вдохновляющее и многообещающее. Наверное, каждому че-

ловеку в какой-то момент жизни хочется иметь ребенка. Хотя бы общаться с детьми, чтобы почерпнуть от них и вспомнить ту самую детскую чистоту и отсутствие барьеров, которые навязывают взрослые. И в Меделин оставалось еще много детской энергии, которая даже в глубокой печали не позволяет сдаваться.

— Меди, — так он ее называл, — помоги мне, если тебе не сложно. Поддай вату и бинты. А еще вон тот синий флакон на верхней полке.

Чувствуя себя нужной, она ответственно и шустро справлялась с такими легкими, но важными поручениями. От этого она ощущала себя значимой. Помощницей едва ли не самого главного человека в городе — лекаря, спасателя жизней. А спасать приходилось часто. То от ножевых порезов, которые происходили постоянно в ссорах из-за нечестных выигрышей в карты. То перепившие не удержатся в седле и падают под копыта животных. То подцепят очередную модную болячку после ночи с красоткой. Но до последних пациентов Освальд девочку не допускал. Хватало с нее и того, что она уже жила среди этого разврата.

Как-то он взял небольшой отпуск и уехал на ежегодный съезд докторов и фармакологов. Вернувшись, привез всем на удивление девочке в подарок небольшую куклу. Меделин

удивилась, но взяла игрушку и долго ее разглядывала. Стало ясно, что до этого с такими куклами она не играла и быстро повзрослела. И хотя Освальд видел в ней ребенка, ее мысли уже вышли из возраста беспечности.

Меделин благодарно кивнула и ушла, унося подарок. В комнате, где она жила еще с тремя служанками, стоял комод. На него она и поставила куклу. Ее компаньонки охали и восхищались, как дети, разглядывая искусственные локоны и изящные кружева. И в итоге дали кукле имя: младшая Меди.

Глава 3. Кислые рожи

Прошло уже два месяца, а Эндрю все не возвращался. Эльвира принимала клиентов с такой брезгливостью, какой раньше в себе не знала. И каждую пропитую рожу она сравнивала с молодым и свежим лицом любимого. Она сама еще не могла себе признаться, что влюбилась настолько сильно. С тоской вздрагивала, заслышав на улице конское ржание и стук копыт. В каждом приезде пыталась узнать Эндрю. Соседки сочувственно похлопывали ее по плечу, пытаясь утешить, или сами вздыхали, что любовь и они — вещи несовместимые.

Эшли, обычно не сварливая, начала выказывать недовольство:

— Вы что себе позволяете? — бранилась она. — С вашими кислыми рожами только врагов отгонять! Вы мне так всех клиентов отвадите. Хватит хныкать, жизнь не сахар. Думайте, мне слаще живется?! А ну надели широкие улыбки на рот!

— Да легко ей поучать, — шептались девушки. — Когда ее саму сюда привезли, она быстро охомутала младшего брата хозяина этой адской забегаловки, женила его на себе. И больше ей не пришлось подставлять зад всем этим ублюдкам.

Да, Эшли оказалась смышленной. Завидев легкую добычу в виде неказистого парня, на которого даже шлюхи не хотели смотреть, быстро затащила его под венец. А через год в перестрелке его брата пристрелили, и прибыльное заведение досталось ее мужу. И кто тут с тех пор больше распоряжался, она или он, уже мало кто понимал. Но дело шло. Клиентов всегда было набито, комнаты девушек не пустовали. Часто самые привлекательные приходили к Эшли заплаканные, с отеками и засосами, прося дать им хоть часика два на перерыв. Иначе они просто не встанут с постели живыми. Эшли отправляла их в чулан отлежаться на тюфяках и давала бутылку рома, чтобы выпили и расслабились. Девчонки пили, пуская бутылку по кругу, жаловались друг другу на дикие

выходки мужланов. До тех пор, пока не начинали пьянеть и острить, ехидно шутить над их недостатками. В такие минуты смеха им начинало казаться, что не ими управляют, а они сами себе хозяйки. В чьих руках крутятся тонкие нити мужиков-марионеток. После таких похмелий девушки снова возвращались к работе и уже не чувствовали себя заезженными кобылами. И Эшли прекрасно это понимала. Потому не жадничала и щедро одаривала своих работниц дорогими сортами алкоголя, а на выходные выдавала каждой по 50 пенни на сладости. Для каждой девушки она откладывала по пенни в неделю на тот случай, если вдруг однажды кому-то придется покинуть этот приют. В редких случаях отчаявшимся проституткам удавалось сбежать с каким-то погонщиком скота, если парень оказывался способен взять на себя ответственность за падшего ангела. Эшли давала ей в дорогу те скопления, чтобы если парень передумает, разбитое сердце не разорвалось полностью и несчастная снова могла вернуться. Но не все из них возвращались. По слухам, некоторых убивали ревнивые любовники, припоминая им их неприличное прошлое.

Так что девушки, даже в отчаянии, боялись оставить единственный уголок на планете, где им были рады.

— Меди, — позвала хозяйка помощницу и протянула ей блюдо с дымящейся кукурузой в масле. — Отнеси в чулан

девчонкам, пусть не пьют на пустой желудок.

Меделин поспешно понесла закуску, лавируя между ша-
тающимися клиентами у барной стойки.

— Вот не успеете оглянуться, как объявят очередной аук-
цион, и не останется от нее совсем ни рожи ни кожи, — услы-
шала девочка обрывок разговора, но не придала ему значе-
ния. Еще не ведала о торгах по случаю продажи девственно-
сти.

— А, вот и ты, иди сюда, — завидев Меди, позвала ее гор-
боносая Джудит. Ее рука сразу потянулась к пустой оловян-
ной кружке, а другой она уже наклоняла пустую на треть бу-
тылку виски. — На, попробуй. Вдруг втянешься и составишь
нам компанию, — и протянула девочке.

Та покосилась на окружающих и втянула голову в плечи,
поджав губы. Словно опасалась, как бы ей не влили насиль-
но.

Из-за стола встала, пошатываясь, рослая, чуть мужепод-
обная Глория и отобрала кружку:

— Не порть ребенка раньше времени. И без тебя еще на-
учится. Может, так выпивать начнет, что и тебе не хватит.

Дамы разразились смехом, хватаясь за животы, похлопывая соседок по плечу:

— Вот ты сморозила!

— Давай же сюда кукурузу, а то остынет, пока ты стоишь у двери, — отобрала Глория блюдо и приобняла девочку. — Красивые у тебя глаза, живые... В них видна жизнь. А посмотри в мои глаза. Что ты там видишь? — приподняла ее подбородок, чтобы Меделин смогла внимательнее на нее посмотреть.

Девочка заглянула, но взгляд проститутки был замутнен, и никакой осознанной мысли там не роилось. Меди пожала плечами. Глория кивнула:

— Вот и я не вижу больше в них энергии. Мой взгляд потух. Понимаешь это? А ведь и я, и все мы тут, — обвела рукой подруг, — были юными и наивными. И у нас были живые глаза...

— Выпей лучше еще, — окрикнула ее Джудит, — тогда жизнь вернется.

Меди аккуратно вынырнула из-под объятия Глории и по-

спешила ускользнуть от них.

Запах алкоголя ее не смущал — привыкла уже служить в баре. Но ее нутро отвергало пьяное женское общество, хотя ничего лично против них она не имела.

Схватив по пути корзинку, поспешила из бара в конец города, где хромой рыжий старик Хенекен содержал курятник и продавал свежие яйца. Девочке нравилось ходить к нему, потому что помимо трех дюжин обычного заказа он давал ей лично в подарок два отваренных вкрутую. А за это она тайком носила ему кусочки копченой свинины. Пьяные клиенты борделя заказывали много, но многое и недоедали. Выросшая в недостатке девочка с раннего детства очень ценила каждый кусок и не позволяла еде пропадать зря. Потому собирала объедки со столов, тщательно и аккуратно обрезала от надкусанных частей. Огрызки кидала кошкам и собакам, а те куски, что смотрелись после ее обработки прилично, распределяла на несколько частей. Что-то ела сама с Эльвирой, а остальное относила аптекарю, в булочную в обмен на пирожное, и вот этому куриному хозяину.

Будучи еще ребенком по возрасту, она уже практиковала такую взрослую черту, как находить нужных людей и получать от них выгоду взамен на пользу. Пока из городских она выбрала себе этих троих, но внимательно присматривалась,

кто бы еще мог быть ей полезен.

— Здравствуй, деточка, — обрадовался мужчина, увидев посылную и уже водя носом, что там припрятано у нее на дне корзины.

Она заговорщицки подмигнула и шмыгнула внутрь курятника. Протянула корзинку для яиц. А сама подошла к шкафчику, на котором ее уже ждали два желтоватых яйца. И пока Хенекен отламывал краюху чуть зачерствелого хлеба, чтобы есть его с окороком, Меди стучала яйца о дерево.

Глава 4. Язык реки

Легко справляясь с обязанностями помощницы по хозяйству, юная Меди умела распоряжаться своим временем. Делая вид постоянно занятой, она гуляла по городу и наблюдала за жизнью обывателей.

По воскресеньям все ходили в приходскую церковь. Работницы дома вольностей тоже имели такое право, потому что перед Создателем все равны. А уж перед падре и тем более. Он не гнушался получать пожертвования ни от кого. Девочку тоже наряжали и водили с собой на службу. Ей было ужасно скучно. Единственным занятием было наблюдать за прихожанами. Кто как реагировал на проповеди, кто потом оставался на исповеди, с какими лицами и гримасами они изображали трепет и почтение перед святыми стенами. И мало кто казался Меделин искренним в своих обращениях к Господу. И хотя вместо воскресных молебнов она предпочла бы погулять по округе, посещать место единения всех, независимо от рода деятельности и достатка, стало полезной обязанностью. Среди горожан молчаливая девочка выискивала тех, к кому могла бы обратиться за помощью или предложить какие-то свои, пусть пока и незначительные, услуги. Среди женского состава она заметила пару дам, которых взя-

ла себе на заметку, но еще не знала, что у них может быть общего. А среди мужчин особо напыщенными казались ей усатый банкир, вечно прогуливающийся с тросточкой, самодовольный шериф, вечно сплевывающий табак, и сердобольный учитель из приходской школы. Но пока за образование ей нечем было платить, и она решила обдумать, что ненужное в баре и борделе, но достаточно ценное, она может предложить ему в обмен на знания. Все остальные пока были ей не особо понятны.

Эльвира усердно молилась, чтобы ее сокол побыстрее вернулся и не забыл свои обещания. Другие девушки просили Высшие Силы дать им терпения или избавить поскорее от такой жизни. Чего просила Меделин, никто не мог даже догадаться. Ни разу с тех пор, как ее нашли, она не проронила ни слова. Все привыкли считать ее немой, а потому одновременно и полуневидимкой. Ее же такое отношение вполне устраивало. Крутясь на виду, она умудрялась исчезать незаметно и так же незаметно появляться, что никто и не замечал ее отсутствия.

В борделе она с самого начала дружила лишь с Эльвирой, и та постоянно, как равной подруге, делилась с ней своими ожиданиями, переживаниями, тревогами. Остальные девушки больше воспринимали Меди как должное и чаще играли с ее куклой, нежели общались с ней самой.

Меделин по-своему любила их всех, считая единой семьей, потому что внутри дома все знали друг о друге абсолютно все.

Как-то рано утром, едва она успела умыться, переодеться и пройти на кухню выпить воды, как увидела еще заспанных девушек за работой. Эшли купила три мешка лука, и теперь они все вместе перебирали его, заодно очищая для завтрака. Он был злой, и у некоторых глаза не выдерживали. Слезы катились градом, приходилось вытираться рукавами. А если кто цеплял руками, то наоборот, глаза еще больше щипало. Едкий запах овоща распространился по всей комнате, что у вошедшей Меди запершило в горле. Она поспешила налить себе воды, наострив уши, потому что слышала интересные обсуждения краснокожих мужчин.

— Я видела двоих вчера в кузнице. Ходила туда точить ножи, а они выбирали себе большие тесаки. Боже, если б вы видели, какое у них обоих упругое тело. Грудь без волос и вздымается прямо как моя, когда я вхожу в оргазм. Я прям залюбовалась ими, что между ног взмокло. Думаю, они это учуяли, как собаки, и посмотрели на меня пристально, даже переглянулись. Уж на что я забыла, что есть стыд, и то покраснела как монашка.

Двое засмеялись, вытирая рукавами мокрые щеки, и наперебой стали вспоминать, где и когда возбудились на полуобнаженных молодых индейцев.

— Так-то оно так, — перебила их Глория, — но от них ужасно воняет тухлым салом.

— Они специально мажутся жиром, чтобы защититься от москитов, — поправила ее Джудит. — Я вот тоже подумываю начать так мазаться, чтобы в постели мужиков от меня воротило. Ха-ха-ха.

— Тихо с такими шутками, а то Эшли услышит и даст тебе такого сала, что мало не покажется, — оглянулась украдкой Эльвира, стараясь ни с кем не ссориться.

— Да шучу, — поправилась Джудит. — Знаю, что мне быстро морду намоют за это. Потом неделю глаза открыть не сможешь...

Смех приутих на грустной ноте, но разговор об индейцах зацепил любопытство девочки. Раньше она уже видела издали некоторых из них и слышала, что они живут на западе в резервации, позади реки, у самых гор. Но только сейчас ей захотелось сбегать на берег и хоть издали понаблюдать за их бытом.

За несколько минут девушки управились с луком, отложив самый попорченный на сегодня, чтобы пошел на жарёху. Оставалось только приодеться, поддурмяниться и постепенно выползать в бар, встречать гостей.

Быстро управившись на кухне с привычными обязанностями: помочь приготовить омлет и нарезать ломтями хлеб с брынзой, Меделин с видом хозяйки прихватила корзину и выскользнула на улицу. Но путь ее лежал ни в курятник и ни в аптеку. Теперь ей во что бы то ни стало хотелось понять, кто такие краснокожие.

Пыльная дорога сворачивала к оврагу, и вскоре за валунами никто со стороны города не смог бы ее разглядеть. Она быстро добралась до берега и села на камень, разувшись и запустив ноги в прохладную воду. На минуту забыв о своей цели, она сидела, замороженно слушая шум бегущих вод, спотыкающихся о камни. И река была свободной, и бежала куда-то вперед, не спрашивая ни у кого разрешения.

— Как это здорово быть свободной, как ты, — подумала Меделин. — Научи меня быть такой же.

Река услышала ее мысли и шлепнулась о ближайшую глыбу, окатив девочку свежими брызгами. Меди поняла, что ре-

ка дала согласие.

В это время вдальеке, по другую сторону равнины, послышались легкие голоса. Девочка встrepенулась и, вскочив, убежала за камни. Спрятавшись там, наблюдала, как к берегу из индейской деревни бежали купаться дети. Они были абсолютно похожи на обычных детей, беспечных и довольных своим детством. В груди тоскливо защемило. Зависть к свободе. Меделин не могла отвести взгляда и наострила уши, пытаясь уловить звуки и понять, о чем они говорят. Но язык был совершенно другой, непонятный.

От досады она закусила нижнюю губу: так захотелось присоединиться к ним. И тут легкая тень проскользнула на соседнем валуне. Девочка напугалась и вздрогнула. Нос учуял запах прогорклого жира, и сразу проскочила мысль о сольных индейцах из разговора, услышанного утром на кухне. Сердце Меделин учащенно заколотилось. Медленно и осторожно она обулась и, склоняясь за валунами, попятилась прочь.

Уже оказавшись на дороге, припустила ходу, тяжело дыша и не оглядываясь, добежала до окраины города. Единственное, что она поняла: какой-то индеец ее выследил, пока она пыталась следить за ними. Но как он мог так тихо и незаметно появиться? Это было для нее загадкой и пугало. Ведь она

намеревалась тайком, как в городе, наблюдать за их жизнью и чему-нибудь от них научиться. А оказалось, она лишь глупая девчонка, попавшая в западню хитрого краснокожего.

Как всегда появившись в баре, она отметила, что ее отсутствия никто не заметил. И она приступила к своим обязанностям с веником и тряпкой, как будто и не прекращала.

Глава 5. Новенькая с шахты

Близился Хеллоуин, и девушки вырезали мякоть тыквы, чтобы сотворить из нее чучело. Начались рассказы про призраков убиенных девушек, которые по ночам будто стали стонать в чулане и пугать тех, кому приспичивало посреди ночи сходить на горшок.

Меделин громко смеялась, забавляясь такими историями. Сама она в призраков мало верила и никогда их не видела и не слышала. Большой угрозой в ее памяти были не потусторонние силы, а реальные разбойники. И, вспомнив вдруг это, она резко побледнела. Лишь остатки улыбки все еще застыли на растянутых щеках. Ее голова склонилась на грудь, но слез не было. И пока девушки сидели и шили себе наряды, чтобы вечером поразвлечь игрой завсегдатаев и новых посетителей, Меди встала и тихо вышла. Сходила к аптекарю помочь перебинтовать раненую кобылу, отнесла кусок пирога с капустой в обмен на яйца и медленно возвращалась обратно. Пинала красный песок и наблюдала, как он сопротивляется и снова оседает на свое место. Где-то над головой услышала мурлыкающий женский голос с акцентом:

— Малышка, не подкажешь, где тут у вас место для муж-

чин?

Меделин обернулась и увидела рядом высокую смуглую девушку с раскосыми глазами. Но на индианку она не походила. Высокие, ярко выраженные скулы, прямой тонкий нос. Укутана в серый плащ с капюшоном. И хотя бордель никто так не называл, девочка сразу догадалась и махнула идти за ней.

Так они молча дошли до злачного места. Незнакомка остановилась задумчиво: идти дальше или передумать. Меделин обернулась на нее, но, не став настаивать, отправилась одна. Положила корзину с яйцами за прилавок, и в этот момент голоса мужчин притихли. Все обернулись узнать, что случилось, и в дверях увидели женский силуэт высокой китайнки.

— Кто тут за главного? — обвела она холодным взглядом присутствующих.

Никто не отвечал. Просто ждали.

Наконец из кладовой появилась Эшли в помятом фартуке, обтирая об него мокрые руки.

— Это я. Чем могу помочь? — уже внимательно разглядывала гостью.

Незнакомка откинула капюшон и шагнула вперед:

— Девушек нанимаете?

По залу пробежал одобрителный шепот: что-то новое и свежее влилось в их привычную квашеную реальность.

— Опыт есть? — усмехнулась Эшли, сразу разглядев в девушке практикантку.

Китаянка усмехнулась:

— Моя готова быстро пройти обучение.

— Что ж, мы рады любому пополнению, — вставил откуда ни возьмись появившийся Майкл, муж Эшли.

— Когда готова приступить? — уже пристроился сбоку похотливый ковбой.

— Митчелл, ты хитер. Ты же знаешь правила, — оттолкнул его приятель. — Новеньких всегда отдают на торги. Ты готов выложить вдвое обычного?

Митчелл ненавистно зашипел и отошел, прижимая рукой

карман с мешочком монет.

Девушку проводили на кухню устроить более подробное ознакомление.

— Ты ведь из китайского шахтерского лагеря? — уточнила хозяйка, протягивая гостье стакан сидра.

— Ты умна и наблюдательна, — хмыкнула китаянка, отпивая из кружки.

— Надеюсь, тебя там не разыскивают за какие-то преступления? — допрашивала Эшли.

— Разве что там больше некому будет днем таскать камни на голове, а вечером отдаваться за миску прокисшей чечевицы, — грохнула кружку об стол.

— У нас тоже не самая легкая жизнь, если не знаешь... — вставила задумчиво Глория.

Гостья оглядела ее сухо и ухмыльнулась:

— Не тяжелее жизни на шахте.

Спорить с этим было бессмысленно, и Эшли лишь распо-

рядилась разместить девушку. А уходя обернулась:

— Я не спросила твоего имени.

— Чин Мей.

Меделин все это время стояла, опершись на дверной косяк, и слушала, разглядывая новенькую.

— Ты что, готова выйти в поле уже сегодняшним вечером? — не удержалась от вопроса всегда тихая полная Петси.

Чин кивнула, доедая яичницу с овсянкой.

Глава 6. Аукцион ангела

Веселился весь город. Дети и подростки взрывали на улице петарды, бросали в окна кислые помидоры, мазали прохожих желтым порошком из сушеных цветов бархатцев вперемешку с хной. Разбегались с хохотом в сторону от возмущенных визгов пострадавших.

Девочки с корзинками стучали в двери домов, предлагая взамен цветов получить сладости.

Мужская половина населения в большинстве своем нацепила на себя кожаные маски с прорезями для глаз и понавтыкала разноцветных перьев в пиджаки и куртки. Смотрелось это диковато и глупо, но забавляло всех. Начиная от священника и чопорных дамочек и заканчивая дешевыми девками, которые у входа в их обитель веселья залавливали этих самодельных петухов и пытались напугать козьими головами с разрисованными кровью рогами. Сами же обольстительницы были разодеты в костюмы дьяволиц, и красные маски прятали их лица. Уже изрядно охмелевшие мужики пытались узнать под этими нарядами своих давних знакомых. И кто угадывал с первого раза, тот получал шанс первым пройти обряд посвящения из взъерошенной птицы в обычного че-

ловека. Парочки с хохотом устремлялись на второй этаж в комнату, где и снимались все их маски.

Меделин с любопытством наблюдала за этим маскарадом. Но самое интересное ожидало собравшихся в зале, когда тяжелые шторы бронзового окраса распахнулись и на невысокой сцене появился ангел. Ее крылья были сделаны из настоящих куриных перьев, склеенных и обрызганных стружкой из мишуры.

— Ох! — пронеслось по залу вождеденное постанывание.

Кто-то спрашивал, кто эта незнакомка. Другие замечали ее гибкость, с которой она по-змеиному изгибалась, завлекая зрителей с первых рядов встать и подойти ближе. Третьи уже отсчитывали в своих мешочках, сколько они готовы выложить на торгах, потому что без хорошего горячего аукциона ангела никто не получит.

И в этот момент спора, кто первый, ангел скинул вниз шелковую юбку и оказался в белом облегающем трико.

— Черта с два! — широкоплечий бородач стукнул бутылкой виски о стойку. — Она моя!

— Какого хрена? — вскочил молодой, хотя и рано посе-

девший, высокий жилистый мужчина с выжженным от солнца лицом. — Я буду обладать этим адским пришельцем в райской шкуре!

— Эй, успокойтесь, торги еще не начались! — раздались окрики с разных концов. Было ясно, что каждый хотел новизны в этот праздничный бесовский вечер.

Наконец на сцене появились хозяева заведения, и тоже в масках с короткими рогами. Но Майкла и Эшли все узнали без труда, так что одобрительные гиканья пронеслись поверху.

— Что ж, — подняла руку Эшли, пытаясь перекрыть мужской гул. — Бесы и черти пьяные, готовы отдать свое золото, чтобы свергнуть этого божественного ангела и затащить его в свой ад сегодня ночью?!

Раздались рыки, похожие на звериные. Начали уже толкать друг друга, чтобы не опоздать поднять руку.

— Что ж, рады это слышать. Значит, вы все тут в боевой готовности?

— Да-а! — растянулось гогочущее согласие.

Неистовство мужчин сверкало в их глазах, ревело в их жестах и оскалах улыбок.

Меделин, прячущаяся за ширмой, содрогнулась, учуяв этот жуткий звериный инстинкт похоти. Ее сердце в испуге забилось, и она ярко представила ужасающую картину, как реальные бесы разрывали на пыльной дороге упавшего с неба ангела со сломанным крылом.

— Ох! — слабо выкрикнула она и напугалась собственно-го воображения. Быстро прикрыла рот рукой, чтобы ее никто не услышал. Но в этом диком шквале раздираемых азартом эмоций ее комариного писка никто бы и так не услышал.

А тем временем страстный ангел уселся на шпагат, прогнулся дугой, поманил рукой кого-то из зала, приседая на одно колено, оголяя плечо. Зал бушевал, начались мелкие перепалки. Каждый хотел победить. А хозяевам хотелось лишь сорвать большой куш.

Меделин еще глубже ушла в тень ширмы, с ужасом наблюдая за аукционом, на котором словно скот покупали живую женщину. В голове девочки начали копошиться сомнительные, устрашающие, нелепые мысли: разве ни у кого нет обычных чувств? Разве через эту дикость должна пройти каждая девушка? И что... — тут девочка ухватилась рукой

за грудь — и ей тоже придется выйти перед ними когда-то на эту сцену?!

Она отскочила и прижалась к стене. А если убежать? Пока не поздно... Да. Точно... надо немедленно спастись... Девочка повернулась вправо, влево, ища выход из охватившего ее страха, и тут безнадежно сползла на пол. А куда бежать? У нее никого не осталось. Она никому не нужна. Мир опасен. И только в этих стенах кто-то как-то о ней может позаботиться.

Осознав свою неизбежность, она тихо заплакала, рассматривая свои маленькие хрупкие ручонки.

Шум в зале не утихал. По самому громкому торжествующему крику Меделин поняла, что ангела продали. Победитель вскочил на сцену, сорвал и кинул в толпу крылья из куриных перьев с мишурой, показывая этим, насколько остальные остались с носом. А затем громко засмеялся, сорвал маску с себя и с товара, взвалил себе на плечо проданного ангела и довольный поспешил в комнату.

Кто до сих пор еще не понял, кто скрывался за этой гибкой красоткой, узнали в ней китаянку.

Меделин из-за угла проследила, как он уносил добычу на-

верх, и убежала в огороды, чтобы спрятаться хотя бы на время от всего этого балагана.

Глава 7. Плащ-невидимка

В ночь Хеллоуина ни одна девушка из дома вольностей не осталась без работы. Даже, можно сказать, шла активная переработка. И каждый хотел заполучить ангельскую порцию, но в этот праздник Чин Мей досталась лишь избранным по сверхцене.

Меделин сидела на камнях на чьем-то огороде среди поспевающих помидоров. Но даже из баловства сорвать хотя бы один ей в ту ночь мысль не пришла. Небо было звездное, и девочка вспоминала, как иногда мама показывала ей созвездия. Но из всех она находила только медведиц.

Из глаз девочки текли слезы. Она их даже не вытирала. Как ей не хватало маминой ласки и папиной заботы. Зачем бог так несправедливо отобрал их? Они никому не мешали, не делали зла. И вот просто решили собрать вещи и переселиться. А переселились в другой мир, оставив ее одну в этом, с чужими людьми, которым нет до нее дела.

В борделе ее никто не искал, бежать было некуда и бессмысленно. Она так и уснула на камнях, съезжившись под утро от заморозков.

Солнце еще не взошло, но рассвет уже начал освещать горизонт, когда она проснулась. Вдали кукарекали петухи из курятника Хенекена.

Девочка обвела заспанными глазами огород, пытаясь вспомнить и осознать, где она и как тут оказалась. Память возвращалась медленно. От холода Меделин поежилась, зевнула и потянула руки кверху. Пора было возвращаться в ставшие уже привычными стены борделя. Там ее ждала работа, метла, тряпки и зевающие, припухшие от бессонной ночи девушки.

Меделин облокотилась о соседний камень, помогая себе подняться, как под рукой нащупала большое орлиное перо. Орлы часто летали над городом, и если кто-то из них потерял одно, в этом не было ничего странного. Даже если ночью девочка его не заметила. Но, приблизив и разглядев его, она обнаружила три пятна: зеленого, красного и желтого цвета. Орлы такое оперенье носить на себе не будут, значит кто-то его разукрасил. И первой мыслью стало: апачи. Это в их привычках было носить и разукрашивать перья.

— Хотя вчера в городе все мужчины были в перьях, как петухи, — подумала она, вспомнив празднование ночи духов. — Скорее всего, я его не заметила. Кто-то из них оста-

вил.

Встала, потянулась и заметила на себе темно-серый плащ с капюшоном. Ночью прихватила первый попавшийся. Он оказался теплым и удобным, скрывал тело до самых щиколоток. Меделин сразу накинула капюшон, в котором ее лицо прямо провалилось, и решила стать еще более неприметной. Чтобы как можно дольше ее не коснулась участь Чин.

Глубоко выдохнула тоску и настроилась на новый день. Собравшись уже уходить, кинула взгляд на перо, подумала секунду и решила взять себе. Пусть станет талисманом, чтобы все задуманное давалось с легкостью. Может, краски ничего и не значат, но для нее будет исполнением трех желаний.

Как и ожидала, бордель был сонный и казался разграбленным и заброшенным. Повсюду валялись стулья, огрызки сигар, осколки стаканов, подсохшие уже блевотины. И девочка по обыкновению прихватила ведро, куда тряпкой смахивала остатки трапезы и окурки со столов. А потом принялась убирать пол.

Не dokonчив до половины, Меделин услышала знакомое шарканье хозяйки. Не обращая внимания на прислугу, Эшли с полуоткрытыми глазами нащупала в шкафу за баром бу-

тылку самогонки и налила себе похмелиться. Крякнула, рыгнула и пошла в уборную. Меделин решила, что волшебный плащ и орлиное перо сделали ее невидимкой.

Закончив уборку, побежала к Хенекену проверить, видит ли он ее. Но он тоже еще приходил в себя и прошел мимо гостыи, даже не поздоровавшись.

— Ура! Работает! — обрадовалась Меделин. — Меня никто не видит! Я спасена. Спасибо, плащик, спасибо, перо! Теперь я никогда с вами не расстанусь.

И, радостная, побежала вприпрыжку по городу, где по странной случайности никто не замечал худой девчонки в сером плаще. Счастью Меделин не было границ. Решила убедиться в своем открытии еще раз, испробовав на своей лучшей подруге. Еще быстрее понеслась в бордель.

Эльвира, услышав скрип открывающейся двери, оторвала голову от подушки и простонала:

— Не сейчас, дайте хоть отдохнуть, побойтесь Бога! — и изрядно выругалась.

Девочка подкралась к изголовью кровати и остановилась, уставившись пронзительным взглядом на подругу. Та не вы-

держала взгляда и раскрыла глаза, посмотрела в сторону Меделин и улыбнулась:

— Слава богу, никого. А то я уж напугалась, — и снова нырнула с головой в мягкую подушку.

— Ух ты! — все нутро Меделин подскочило от восторга.
— Я и правда невидимка!

Села на кресло напротив и слегка задремала.

Постепенно жители дома начали просыпаться: чихали, сморкались, матерились. Девочка проснулась. Пока спала, капюшон сполз на плечи. Проснулась и Эльвира. Потянулась лениво, пукнула спросонья, улыбнулась подруге:

— А ты когда сюда пришла?

Меделин напугалась и вскочила. Магия кончилась? Подскочила к зеркалу и увидела себя без капюшона, с расстегнутыми пуговицами. Тогда облегченно вздохнула: значит, просто плащ-невидимку надо надевать полностью, иначе волшебство пропадает.

Подошла к подруге, наклонилась и чмокнула ту в щечку.

— Спасибо, милая, и тебя с праздником, — Эльвира обняла девочку и посадила рядом, смеясь. — Ты знаешь, я хорошо вчера заработала, даже смогла часть припрятать. Когда Эндрю вернется, мы сможем отпроситься или сбежать. Жаль только тебя оставлять одну с этими голодными волками. Бедняжка моя, — прижала к себе Меделин и погладила по голове. Потом приподняла девочку за подбородок и смущенно спросила: — Но ты ведь сможешь меня простить за это, правда?

Меделин ласково улыбнулась и понимающе кивнула. На глазах Эльвиры блеснули слезинки, и она с благодарностью поцеловала девочку в лоб.

Понежившись еще немного, Эльвира встала и подошла к комоду.

— Знаешь, я заказала подарочек для тебя, надеюсь, это тебе подойдет, — и вытащила из ящика нежную белоснежную сорочку. Протянула девочке: — Примерь, хочу полюбоваться невинностью и чистотой. Тем, чего нам всем так не достает в этом доме.

Меделин села на кровать, но не решалась полностью снять волшебный плащ.

— Ну что же ты? — поторопила ее подруга.

Меделин медленно разделась и положила аккуратно рядом. Повернулась спиной к Эльвире. Та ахнула:

— Ой, что такое?! У тебя кровь?

Девочка обернулась. Эльвира схватила подол ее платья и потянула рассмотреть. Та смутилась и вздохнула.

— Эх, — расстроилась проститутка. — Надеюсь, никто кроме меня еще не в курсе, что ты стала взрослой?

Меделин стояла с опущенным виноватым видом.

— Это впервые?

Девочка мотнула головой.

— Хотя бы никто не знает еще об этом?

Меделин пожала плечами.

— Бедняжка моя, не грусти, мы будем скрывать это от всех как можно дольше. Иначе они быстро продадут тебя этим кабанам.

Бросилась к шкафу и достала темную юбку:

— Надень ее и не носи светлое в эти дни. Пусть как можно дольше это останется тайной между нами. Снимай быстрее свою. Надо застирать, иначе пятно останется.

Меделин послушно скинула юбку. По ногам расплзлись кровяные полосы. Эльвира вытащила кучу старого тряпья, порвала его на длинные лоскуты и сунула в руки девочки:

— Вот, возьми. И тщательно обмотайся, чтобы не пачкать юбки и ноги. И меняй их почаще. Если не хватит, приходи, я еще дам.

В разговоре о месячных девушки позабыли примерить новую сорочку и оставили до лучших времен.

Глава 8. Маленький синий флакон

После сцены с поверженным ангелом Мей сделалась фавориткой в доме утех, и другие девушки начали ей даже завидовать. Она приносила хороший доход, и Эшли стала выделять ей на выходных большую сумму на мелкие радости. Нельзя сказать, что остальные были менее красивы или не столь сексуальны, но они все уже имели уставший вид, как заезженные кобылы. А китаянка обладала какой-то скрытой внутренней энергией, словно никогда не уставала. И это сводило клиентов с ума. Каждый стремился подзарядиться от нее. Этой ее сексуальности и жгуче-хладнокровной выдержки не хватало остальным. В Мей словно горел внутренний огонь, который разгорался еще больше по мере того, как она становилась лидером среди соперниц. Видя такой спрос, Эшли не замедлила повысить цену на ее услуги.

И еще одно преимущество китайской кошки было в ее магии исцелять. Хромые, импотенты, сердечники с одышкой спешили поставить перед ней мешочки с золотым песком. И она быстро оправдывала их ожидания. Даже после первого сеанса с ней они выходили окрыленные и старались накопить побольше для новых встреч. Многие хвастались восстановленным здоровьем, и слава о горячей лекарке распространи-

лась далеко за пределы города. К ней стали съезжаться любопытные мужчины, у которых были те или иные проблемы со здоровьем.

Меделин, увлеченная врачеванием своего взрослого друга-врача, не могла упустить из вида такой феномен. Но хитрая Чин ни с кем не хотела делиться своими секретами, а ее исцеленные и влюбленные клиенты просто разводили руками. Да и кто бы рассказал, что происходит внутри запертой комнаты, какой-то девчонке-невидимке.

Завидовала успеху китайской соперницы и добрая по натуре Эльвира. Даже не столько из-за того, что та уводила большую часть щедрых клиентов, ведь до нее Эльвира была фавориткой, сколько из-за того, что девушка надеялась побольше заработать, отложить, припрятать и потом продолжить счастливую жизнь с Эндрю. Но как-то препятствовать и вредить сопернице было не в ее правилах. Как и другие девушки, она попыталась сблизиться с Чин и стать ей как бы подругой, но та всех одинаково держала на определенной дистанции, оставаясь вежливо-дружелюбной, но в меру прохладной.

Но как-то случайно, одетая в свой плащ-талисман, Меделин прибиралась в комнате Мей. Забралась за шкаф протереть углы, и неожиданно Чин вернулась. Не заметив чужого

присутствия, она отодвинула нижний ящик комода и оттуда вытащила маленький сундучок. Положила его себе на колени и открыла. Меделин только разглядела малюсенькие синие флакончики и набор длинных тонких иголок.

Чин открыла один флакончик, капнула на кончик пальца смолянистую жидкость и помазала виски.

До носа девочки донесся слабый, сладковатый аромат. Она втянула ноздрями воздух, чтобы подольше запечатлеть его в себе. И тут чихнула. Мей вздрогнула и повернулась в сторону шкафа. Быстро прикрыла крышку сундучка и подошла к сконфуженной уборщице. Поняв, кто перед ней, облегченно вздохнула:

— Ах, это ты. Моя уж подумала, кто-то заслал ко мне шпионов.

Девочка виновато съежилась. Мей протянула ей руку:

— Не бойся, вставай.

Меделин взяла крепкую руку Чин и поднялась, все еще виновато поглядывая то на китайнку, то на ее тайный ларец.

Чин усмехнулась:

— В нем мало толку, если не знаешь, как этим пользоваться. Так что бесполезно следить и воровать.

Лицо девочки исказилось гордым недоумением: она не собиралась ничего красть, просто оказалась тут случайно, незамеченная благодаря плащу.

Чин отступила на два шага назад и чуть свысока, прищуренным, изучающим взглядом рассматривала непрошеную гостью. Затем, успокоившись, усмехнулась и пригласила жестом присесть рядом.

Меделин послушно села на край кровати, не отрывая взгляда от таинственного снадобья.

— Знаешь, мой отец был искусным лекарем при дворе главного министра. Моя была старшей. И хотя он мог вылечить практически любую болезнь, непонятно почему, все его сыновья, все мои младшие братья, умирали без видимых причин, не достигнув двух лет. Потому он решил многое, что знал сам, передать мне.

— Хмм... — сделала она перерыв, вспоминая своего отца, свою жизнь далеко отсюда. И затем встала и подошла к окну. — Моя носила мужскую одежду, чтобы меня считали пар-

нем и помощником главного лекаря. Н-да... А потом переворот. Нам пришлось бежать. Защищая своего хозяина, отец взял удар на себя. Но жертва была напрасной. Министра тоже нашли и убили через два дня. Моя села на корабль, который должен был отвезти нас в Корею, но то ли я ошиблась с маршрутом, то ли предатели повсюду. Человек, который взял деньги и обещал нас спасти, продал торговцам людьми, и мы попали в Новый Свет. А здесь все дороги для беженцев из моей страны вели напрямик в шахты. И тут никому не было дела до того, кем ты был когда-то и где-то там... позади океана...

Видно было, она закончила свой короткий рассказ, длиною в полжизни. И боль, сжигающая ее изнутри, никогда не утихала. Ей некому было мстить и некуда идти. Никого не осталось, ради кого бы она могла бороться. Но ей следовало выжить самой или сдаться. И она выбрала этот непростой путь исцеляющей проститутки.

Меделин тихо встала, подошла сзади и обняла Мей, склонив голову ей на плечо.

Молча, без лишних слов, они почувствовали боль одиночества, которая разъедала их обеих. Без слез и обвинений.

— Хм... — вздохнула Мей спустя какое-то время. — Зато

тут моя снова стала девушкой, и мне не приходится притворяться парнем.

Это показалось ироничной шуткой, и обе девушки понимающе улыбнулись. Каждая из них в свое время скрывалась: одна под мужскими костюмами, другая в длинный безликий плащ с капюшоном. И каждая прятала свои мечты глубоко внутри, так что никто не мог проникнуть так глубоко и удивиться их богатому опыту и воображению.

Глава 9. Точки на теле

С тех самых пор, как Чин и Меделин неожиданно узнали друг друга, девочка стала часто тайком заходить к той в комнату. Скрываясь за ширмой, смотрела, как Чин ловко скручивала мужские тела, как ей было надо. Своими длинными тонкими иглами укалывала их в определенных местах, отчего клиенты моментально отключались. А стоило волшебнице вытащить эти иглы, как сознание возвращалось, и мужчины удивленно потягивались, проверяя свои прежде неспособные конечности. Если дело доходило до соития, Меделин отворачивалась, закрывала глаза, уши и внутренне напевала себе песенки, чтобы заглушить стенания и громкие вздохи.

Постепенно Мей стала показывать молчаливой подруге места, куда именно на теле надо вкалывать иглы, чтобы происходили нужные перемены.

— А еще можно отключить мужика, если не хочешь, чтобы он овладел тобой, нажав одновременно на точки внизу паха. Его орудие временно перестанет его слушаться, а моя может заработать, ничего особо не делая, — и заговорщицки подмигнула.

Этому приему Меделин научила Эльвиру.

— У тебя же нет никакого опыта близости с мужчинами?
— недоумевала проститутка. — Но откуда ты знаешь такой прием, про который даже я с моим-то опытом узнаю впервые?!

Меделин лишь сощурилась с усмешкой.

С этих пор она перестала с ужасом думать о возможном судном дне, когда все вспомнят о ней и подложат под какого-нибудь пьяного скотогона. Но прощаться с невидимым плащом она не спешила.

Помимо плащика было у нее и волшебное перо. Когда оно появилось, ей показалось, что вся работа дается легче и усталость не так чувствуется. А если чувствовала себя неважно, приходила к Чин, и та давала ей травяной настой. Девочке он очень нравился, и в итоге лекарка взяла ее с собой собирать травы.

— Моя ищущая тут похожие. Некоторые попадаются такие же, как в стране Восходящего солнца. Оттуда нам с отцом часто привозили. Ну а остальные приходится пробовать. Это опасно, ведь какие-то могут и навредить.

Казалось, девушки больше гуляют по пустырям, нежели занимаются чем-то полезным. Но в итоге они возвращались с целым букетом. Некоторые цветы и травы Чин отдавала повару заварить чаю для всех девушек, чтобы они почувствовали себя бодрее. А самое важное уносила в комнату, растирала в маленькой ступе, добавляла спирт или масла. Но рецепт не озвучивала. Меделин только могла наблюдать и сама делать выводы.

Что касается игл, тут Мей вообще была против показывать нужные точки на теле.

— Это опасно. Если кольнешь не туда или глубже, чем надо, может произойти необратимое.

Меделин соглашалась с этим и не настаивала. Но все равно узнала, куда себе в запястье укалывает Мей, если ее начинают мучить головные боли.

Так получалось, что девочка помаленьку обучалась. Через дорогу у доктора — накладывать несложные швы на неглубокие раны и смазывать их. От китаянки переняла элементарные знания о нужных полезных травах и жизненных точках. Но уже сейчас, в таком количестве, ей хватало этого, чтобы начать верить в то, что жизнь имеет какой-то смысл. И она может быть полезна не только умением подметать и

держат тряпку, но еще и существенно помогают заболевшим и раненым.

Так проходили ее будни и выходные, которые мало чем отличались друг от друга.

Другой ее целью стало научиться читать и писать. Но Чин сама владела лишь китайскими иероглифами, и Меделин сомневалась, что такие знания ей самой могут пригодиться тут, на Диком Западе.

Глава 10. Голос из пепла

Эльвира, казалось, свыклась с тем, что ее бросили.

— Любовь создана не для нас... — иногда с тоской смотрела с балкона на звездное небо, словно говорила с кем-то оттуда. Глаза девушки уже не опухали от слез, просто глухая тоска всё сильнее леденила душу.

Меделин сожалела вместе с подругой. Никогда не любив, уже считала также, что обитательницы дома терпимости недостойны иметь семью. Даже Эшли была проклята. Управляя заведением и рано избавившись от участи остальных, она так и не познала ощущения материнства. Поговаривали, что подхваченная от кого-то зараза разрушила ее детородность. А Майклу, казалось, это и вовсе никогда в голову не приходило — стать отцом. Даже наоборот, скажи ему кто `ты станешь отцом`, он бы отмахнулся рукой, выпучив и без того свои бараньи глазищи.

Юная служанка лишь молча сочувствовала подруге и не знала, как утешить ее. Было видно, что Эльвира потеряла былую страсть к жизни, пропал блеск в глазах. Она даже начала сутулиться под гнетом не проходящей тоски. Никакие бод-

рящие чаи по китайским рецептам ее не будоражили.

И когда она уже стала походить на блуждающую по коридорам тень, посыльный кинул ей на пол комнаты долгожданное письмо. И хотя почерк Эндрю она видела лишь пару раз, да и то почти год назад, сердце ее безумно застучало, пытаюсь выпрыгнуть наружу. Его почерк, с большими крючками между буквами.

Девушка поспешно схватила потертый пыльный конверт с сургучной печатью посередине, прижала крепко к груди, как бы его кто не отнял, и, закрыв глаза, стала причитать:

— Господи, боже, дай мне сил! Господь, помилуй, пусть с ним все будет хорошо... умоляю, где бы ты ни был, не отказывайся от меня...

Со стороны это выглядело как помешательство, но никто ее не осуждал. Не умеющие читать девушки лишь сочувственно вздыхали и будто не меньше самой Эльвиры переживали за нее. Что он ей написал? Что пообещал? Или это прощальное послание?

Всех разъедало любопытство, но никто не осмелился предложить сходить к тому же Освальду через дорогу или к пастырю. Слишком личным казался этот посеревший кон-

верт.

Эльвира еще долго вдыхала пыль бумаги, терпкий аромат печати, пытаясь носом уловить так полюбившийся ей запах Эндрю. Жизнерадостного, голубоглазого красавца с волнистыми каштановыми волосами, которые шутливо выбивались из-под фетровой шляпы.

Как она любила смотреть в его лукавые глаза, в которых находила обожание. Он был ее надеждой и все еще ею оставался. И сейчас ее разъедало сомнение: не остался ли он в прошлом? А вдруг этот конверт только и останется ей на память о ее смелой мечте о счастье?

Эльвира сидела, вся съежившись, на скомканной кровати, спиной к двери, озабоченная сообщением, которое не могла прочесть. И даже не заметила, как Меделин тихо вошла и встала позади, не зная, как быть в такой деликатной ситуации. Развернутое письмо лежало рядом. Наконец Эльвира почувствовала ее присутствие и, содрогнувшись, обернулась:

— Ой, это ты?! Я уж напугалась, — и не в силах больше сдерживаться, разрыдалась, кинувшись в объятия хрупкой девочки. — Это конец... — сквозь надрывы вырывалось отчаянное бессилие. — Он это прислал попроситься.

Все кончено! — и, оттолкнув подругу, кинулась навзничь на кровать, уткнувшись глубоко в подушку, чтобы ее никто не услышал. Лишь тело судорожно билось в отчаянии.

Меделин закусила губу и стояла в нерешительности. Как помочь? Что посоветовать? Пальцы сами сжимались, и ноготки впивались во влажные ладони.

— Он пообещал вернуться, — прозвучал тихий, чуть тонковатый голос. — Очень скоро.

В комнате воцарилась тишина. Содрогающееся от рыданий тело молодой проститутки замерло. Мгновение, казалось, затянулось на целую вечность. Даже по комнате пронесся холодок и сдул свечу. Эльвира резко обернулась, привстала на руки. Сквозь пелену слез, застилавшую глаза, она, не моргая, смотрела в ставший мрачным в потемках силуэт девочки.

— Повтори... повтори, что ты сказала? — еще больше приподнялась удивленная Эльвира.

Меделин кивнула и от волнения прохрипела, сама удивившись своему голосу:

— Я говорю, он вернется...

Сказав это, она сама шарахнулась в сторону, словно напугалась себя. Так давно она не говорила после смерти родителей, и ее все считали немой, что она поверила, будто голос уже никогда к ней не вернется. И тут, завидев горе подружки, почти сестры, блок в горле прорвался, и, сама от себя не ожидая, она озвучила свои мысли.

— Милая моя, ты разговариваешь?! — вскочила с постели Эльвира и кинулась расцеловывать юную подружку. — Я даже не надеялась когда-либо услышать твой голос.

Обескураженная Меделин прослезилась: как приятно иметь способность разговаривать! Ты можешь делиться с другими своими мыслями, чувствами, переживаниями. Она лишь улыбалась, удивленная чуду, в то время как обрадованная Эльвира то трясла ее, то крепко прижимала, то отводила податливое тело подростка на расстояние вытянутых рук, чтобы разглядеть уже привыкшими к темноте глазами знакомый силуэт.

— В самом деле, ты ли это? Ушам своим не верю, — полусмеялась, полуплакала от счастья девушка. И сама уже не понимала, рада ли она такому чудесному оживлению дара речи своей милой компаньонки или тому обнадеживающему чувству, которое таилось в письме от любимого.

— Он правда так написал? Он пообещал вернуться ко мне? — уже полностью перекинула все внимание на свою надежду. — Значит, любит? Значит, не забыл!

— Ага, — поддакивала Меделин.

Эльвира подпрыгивала от счастья, то подбегая к окну и подставляя под лунный свет милые каракули, то возвращаясь к подруге, хватая ту за плечи и потрясывая, убеждая себя, что все это ей не снится.

— Милая, ты представить не можешь, как ты вернула меня к жизни! Я и не знала, что ты умеешь читать. Твои родители правильно сделали, что научили тебя грамоте. Не то что мои. Отец вообще считал, что женщинам надо уметь лишь готовить, следить за домом и ублажать мужей. Если бы я знала, что ты у нас образованная, я бы так долго не страдала и сразу же дала тебе почитать письмо.

И тут же спохватилась:

— Ох, ты же не говорила! Как бы ты могла мне его прочитать? — и с нежностью обняла девочку. — Спасибо тебе еще сотню раз, ты вернула меня с того света.

Меделин лишь смущенно улыбалась. Ей было неловко врать, ведь читать и писать она тоже не умела, как и остальные обитательницы борделя. Но, видя, как убивалась Эльвира, легкий обман — это первое, что пришло на ум и выскочило наружу.

Пережив первые минуты восторга и удивления, опытная проститутка насторожилась и обняла подругу:

— Я тут подумала... может, это небезопасно рассказывать остальным о твоём даре. Давай лучше пока оставим это в тайне. И про то, что ты умеешь читать — будешь шпионить, и про то, что ты начала говорить.

— Почему? — не поняла Меделин ее страхов.

— Ну знаешь, — призадумалась девушка, — пока ты молчишь, ты для всех серая тень. Ты стала незаметной, особенно в этом твоём длинном плаще. А если ты начнешь разговаривать, тебя заприметят и быстро подложат под этих свиней. Давай держать это в секрете как можно дольше, чтобы уберечь твоё детство от этой грязи. Вымазаться ею ты ещё успеешь.

На этом подруги и порешили.

Эльвира провела бессонную ночь в мечтах о принце. Меделин не спала до рассвета, встревоженная своим даром, о котором успела позабыть. И еще ее грызли муки совести. Обмануть было на пользу, но ведь обман долго не скроешь. Скоро Эльвира узнает о ее безграмотности и возненавидит. Скажет: я тебе верила, а ты меня обманула, посмеялась надо мной. Меделин меньше всего хотелось этих разочарований. Но все же она смогла задремать.

Глава 11. Змеиные ягоды

Весь следующий день Меделин старалась избегать общения с подругой. Та просила снова и снова перечитать для нее письмо от любимого. Просила повторить слово в слово. Меделин пришлось выдумать пару фраз и запомнить их, чтобы не сбиться и повторять одно и то же без изменений. Но обманщице поневоле было крайне стыдно смотреть подруге в глаза. И она была даже рада, что в этот день на Эльвиру был повышенный спрос и можно было не попадаться ей на глаза.

Прибирая со столов, Меделин прямо из-под рукавов вытаскивала большие куски копченой индейки и свинины. И когда собрала достаточно, понесла их обрезать. Ей в голову пришла превосходная мысль.

Спешно упаковав и уложив все в корзину, незаметно выскользнула на улицу. Скользя как тень вдоль стен, спешила в сторону приходской школы. Сердце от волнения сильно колотилось. В голове стучали мысли:

— Как же раньше я об этом не догадалась?!

И счастливая от своего озарения быстро добралась до

ШКОЛЫ.

Из двери выходили шумные подростки, смеясь и толкаясь, неся в руках обшарпанные учебники.

Меделин прижалась к деревянному забору церкви и оттуда с завистью разглядывала ухоженных и беззаботных детей, чьи родители занимали важные посты в городе или выращивали скот.

Наконец школа опустела. Никто не взглянул в сторону спрятавшейся девочки. Выдохнув несколько раз и набравшись храбрости, направилась в приоткрытую дверь.

В школе был лишь один большой класс. Впереди висела черная доска, и возле нее за массивным столом, согнувшись над стопой тетрадей, сидел учитель. За ним Меделин давно наблюдала на мессах, но не предполагала, что так скоро решится на это. Изначально она думала заработать и накопить денег на свое обучение, даже особо не задумываясь, каким образом могла бы заработать. А потом уже начать ходить на уроки по субботам, когда их посещали малограмотные фермеры.

И вот Меделин стояла на пороге. Ее появления занятый проверкой заданий учитель даже не заметил. Его пепель-

ные волосы были смазаны маслом и зачесаны налево, закрывая уже начавшую появляться лысину. Пенсне на переносице придавало важности его не особо приметному лицу. Серо-голубые глаза, чуть прищуренные то ли от слепоты, то ли от ехидства, всегда были холодны и невыразительны. Оттого что он был не последней по значимости персоной города, выражение его лица приобрело со временем гримасу малопочтенного высокомерия. Оттого девочке и было неловко подступиться к нему со своей просьбой.

Наконец она решилась и ступила на порог класса. Преподаватель все еще был поглощен своей работой. Шаг за шагом, еле дыша от волнения, Меделин приблизилась к столу и почти осипшим голосом окликнула:

— Сэр Генри...

Учитель поднял голову и через стекла пенсне вопросительно уставился на девочку. Воцарилось давящее молчание. Он презрительно оглядел пришедшую, безмолвно спрашивая, зачем она тут.

Дрожа от страха, Меделин подошла еще ближе и, вытащив аккуратно завернутый сверток, положила перед ним:

— Научите меня читать, — голос ее совсем охрип на по-

следнем слове.

Сэр Генри аж крикнул от такого предложения и откинулся на спинку стула. Ему стало полусмешно, полулюбопытно от того, что какая-то девчонка-сирота из преисподней пришла учиться.

— Зачем тебе? — не сдержал своего сарказма.

— Я хочу научиться читать и писать, — не заметила она этой колкости.

— Но я не обучаю бесплатно.

— Я и не прошу этого. Я принесла оплату за урок, — и развернула сверток, оголяя румяные срезы мяса.

— Что?! — вскричал Сэр Генри. — Ты за кого меня принимаешь? — ткнул пальцем на объедки.

— Вы у-учитель... — заикаясь, произнесла девочка, попятившись назад.

— Вот именно, я учитель! — рявкнул он, брызнув слюной. — У-чи-тель, а не дворовая собака, чтобы питаться грязными остатками из борделя. Пошла прочь отсюда! Тебе

грамота не понадобится! Шлюхам азбука ни к чему!

— Но... — попыталась оправдаться Меделин, но приходской учитель вскочил из-за стола и бросил в нее ее оплату. Кусочки ветчины разлетелись по полу. Слезы брызнули из глаз девочки. Она растерянно смотрела на них и на ноги учителя, обутые в лакированные штиблеты. Слишком большая разница была между ними и ее потертыми, с чужих ног, ботинками.

С позором выгнанная из школы, Меделин шла в сторону реки, чтобы там уединиться и вдоволь поплакать. До сих пор она и не подозревала, насколько низко было ее положение в обществе.

Река бурно шумела, веселая, живая, брызгалась на гостью, призывая умыться и не лить ненужные слезы. Но Меделин обхватила руками лицо и, глядя на свое отражение, казалась себе такой омерзительной, какой еще никто не был до нее. Слезы сами текли, рыдания заглушались течением, и единственной мыслью была просьба:

— Папа, мама, заберите меня к себе! Почему я не умерла тогда там с вами вместе? Зачем я тут?

А река бурлила и не обращала внимания на ее стенания.

И в какой-то момент мутные от слез глаза разглядели темный силуэт. Меделин подняла голову и увидела индейца. Юноша был примерно ее возраста, смуглый, с красивыми черными волосами, завязанными в хвостики по бокам.

Меделин все еще продолжала содрогаться от рыданий, но это уже были остатки выплаканных эмоций. Виски сжимала боль, нос покраснел. Она смотрела на пришельца, но никакого страха не испытала. Наоборот, казалось, они уже знакомы.

Парнишка молча подошел и присел рядом. Вытащил из замшевого мешочка, что висел на поясе, горсть синих ягод и протянул ей. Замявшись на секунду, она взяла несколько штук и поднесла к носу понюхать. Запах был как ото мха, с налетом гнилости, но в то же время смешивался с чем-то приятным.

— Чего мне терять? — промелькнула предательская мысль. — Если и отравлюсь, то ненадолго. Увижу своих родителей.

И при этих мыслях сунула ягоды в рот.

— Чии! — фыркнула, плюясь. — Что за гадость? Какие

горькие?

— Ха-ха-ха, — рассмеялся подросток и показушно сам съел несколько штук.

— Как ты можешь их есть? — удивилась Меделин, кидая взгляд то на смеющегося индейца, то на остатки ягод на ее ладони. — Что это?

Юноша перестал смеяться и показал черный язык.

— Ты же умереть хотела.

— Я?! — Меделин смутилась. Она об этом никому не говорила, как он мог узнать это?

Парень словно прочитал ее мысли и подсел ближе:

— Эти змеиные ягоды отрезвляют, когда нет сил, и еще от них холодеет тело. Люди могут подумать, ты умерла. Если съесть их много, мышцы каменеют, тело парализует, и ты не сможешь двигаться. Другие подумают, ты умерла, и похоронят тебя. А на следующий день ты очнешься и будешь бодрее, чем раньше.

— Я что, не смогу двигаться? — напугалась Меделин,

вскочив и пошатнувшись.

Индеец рассмеялся:

— А ты наивная. Думаешь, я сам бы сейчас их ел, если бы они так парализовывали?

— И правда, — задумалась девушка. — Но ведь для чего-то ты носишь их с собой?

— Они дают сил, энергию. Помогают прочистить мысли. А вот если их смешать с зернами конопли, тогда да, мышцы перестают слушаться несколько часов, — и достал такую смесь из другого мешочка. Протянул щепотку.

Меделин взяла и с любопытством разглядывала и принюхивалась.

— Я сыплю их в места, куда любят слетаться куропатки. Жадно клюются и падают одурманенные. Я их собираю и несу домой на обед.

— Ух ты?! — обрадовалась Меделин новым знаниям. — А можешь и меня всему этому научить?

— Конечно, идем сейчас со мной. Поймаем парочку.

Они поднялись и отправились вверх по руслу. В одном месте на песке видны были птичьи следы. Юноша насыпал немного своей волшебной смеси и указал следовать за ним и спрятаться за камнем.

Едва они уселись, как послышалось хлопанье крыльев, и на берег приземлились три куропатки. Кинулись склевывать приманку, кряхтели от жадности и удовольствия. Индеец довольно оскалится, подмигивая Меделин. Она тоже довольно улыбалась, сжимая рот, чтобы не рассмеяться и не спугнуть пернатых.

Наконец куропатки попадали. Ребята подбежали и схватили их за лапы.

— Ну все, неси к себе, пусть приготовят суп, — отдал ей одну добычу, а себе забрал двоих, связав им лапы тонкой корой. — В следующий раз я отведу тебя в то место, где собираю эти ягоды.

Она согласно кивнула, взяла добычу и с благодарностью улыбнулась.

— У меня и правда силы появились. Эти твои ягоды. Хе-хе, что-то в них есть особенное.

— Только для хорошего настроения. Но не смешивай их с коноплей.

— Дай мне еще несколько, — протянула ладонь.

Индеец без лишних слов вытащил и поделился с ней своим запасом. А потом запрыгнул на камень и с видом победителя завыл по-волчьи. Махнул на прощание рукой и побежал дальше вверх по руслу.

Меделин завернула ягоды в платочек и, полная неожиданно радостных мыслей, понесла куропатку на кухню.

Глава 12. Шрамы на спине

Повар обрадовался куропатке и только развел руками:

— Где ты ее раздобыла?

Но ответа не ожидал: все же знали, что Меделин немая. И быстро приступил ощипывать птицу. Охотница, довольная тем, что внесла свой вклад в общее благоденствие дома утех, выпила соленую сыворотку с петрушкой и пошла прибираться в пустых комнатах.

В самой маленькой комнатушке на чердаке, больше похожей на кладовку с матрасом, расположились три девушки. Эту конуру использовали в случаях, когда приходили клиенты победнее и заказывали не самый свежий товар. Меделин жалко было таких девушек. Они и в годы своего расцвета не были в особом спросе, а со временем и вовсе отдавались за миску чечевицы и за крышу над головой. Таким, уже увядающим девам, не оставалось другого выбора, и мечтать о спасителе им даже в голову не приходило. А вот поплакаться друг другу — было их основным занятием.

Меделин, чтобы им не мешать, хотела уйти и прийти при-

браться позже, но тут одна из них расстегнула корсет и оголила спину, всю изрубцованную от побоев ремнем. Некоторые шрамы были еще свежими.

— Он постоянно приходит по пятницам и измывается надо мной.

— А почему ты не пожалуешься на него? — прониклась жалостью компаньонка, слегка касаясь рукой этих ран.

— Хмм, кому? Кто тут заступится за меня? Майкл вообще сказал, что терпит меня лишь из уважения к жене, иначе бы давно сменил меня на молодую, — и, судя по ее всхлипыванию, Меделин поняла, что та заплакала. Сердце девочки сжалось. То, что девушкам приходилось спать с клиентами и ублажать их фантазии, она уже имела представление. Но почему-то о жестоком обращении она не знала. И это ее ужаснуло: как так можно?! Они и так несчастные, одинокие. Зачем же их так избивать?

Другая проститутка, сидевшая напротив, вместо ответа тоже расстегнула корсет и показала длинный шрам от ножа через левую грудь.

— Ох, Матильда?! — воскликнула смуглая Джози, которая до этого с жалостью рассматривала шрамы на спине у

сутулой Марго. — И тебя хотели обезобразить? За что?

Матильда хмыкнула и затянула папиросу:

— Он продавал оленьи шкуры. Жил в ущелье и стал заходить сюда. Многие девушки жаловались на его грубость, но клиент же, сука, всегда прав. Неправы только мы, — ее губы задрожали, но чтобы не пустить слезу, она еще глубже затянула дым. — Однажды он пришел совсем злой: охота не удалась, индейцы угнали прочь все стадо. У меня тогда был постоянный клиент, как и у Эльвиры, молодой и красивый, красил ткани. И я только собиралась пойти с ним, как этот чертов охотник оттолкнул его и кинул на стол двойную цену. А потом потащил меня наверх, привязал к кровати и хотел всадить мне нож в сердце. Но я от ужаса так рванулась, что нож чуть не отрезал мне грудь. То ли он был пьян, то ли не рассчитывал, что я смогу вырваться, но, видимо, привязал не сильно, и я спаслась. Оттолкнула и с криками, вся в крови, выскочила наружу. Грудь зашили, кровь остановили. Я долго валялась в жару. А после этого цена за меня резко упала. Я годилась только в подметки... — голос ее дрогнул. На глазах слушающей у двери Меделин появились слезы.

— А что с ним случилось? — охнула Джози.

— А что с такими случится? — всхлипнула Марго. —

Здесь мы бесправное никто. А он только штраф заплатил и оплату доктора. А этот... — и указала рукой на свои шрамы, — просто платит Майклу за товар и делает со мной что хочет. Однажды он меня убьет, и ему ничего с этого не будет...

Меделин прижала руки к груди, ощупывая свои еще маленькие бугорки. Неужели их могут у нее отрезать? И какой-то ужасный мужик исполосует ее тело, если она ему не понравится?

В ужасе она представила себя на полу в луже собственной крови и тут же рядом — убитые тела родителей. Крепко зажала рот рукой, чтобы не вскрикнуть. Еще раз глянула вглубь мрачной комнаты с низким потолком, где видела лишь незажившие рубцы на спине никому не нужной шлюхи.

Меделин резко повернулась и поспешила в комнату Эльвиры. У той оставался бальзам от ран, который подарил Меделин доктор за ту помощь, которую она оказывает ему.

Но оказалось, девушка бальзамом делилась с другими, и он кончился. Пустая баночка с запахом еще валялась среди расчесок и платочков.

— Ох, — разочаровалась девочка. — Придется попросить

еще, — и, схватив баночку, поспешила к Освальду.

— Здравствуй, деточка, — обрадовался как всегда ее появлению врач. — Ты давно меня не навещала.

Хотел потрепать помощницу по голове, но она протянула ему склянку, указывая, зачем пришла.

— Хм, — взял баночку и покрутил в руке. — Эта мазь закончилась. Нужны новые ингредиенты. И знаешь, она не очень действенная. Нужно поэкспериментировать и добавить или поменять состав. Только я пока не решил, что именно.

Меделин начала задумчиво перебирать разные масла и травы, вопросительно посматривая на своего учителя медицины: ни это ли подойдет? Освальд брал протянутые девочкой варианты, принюхивался, задумывался об эффекте, прищуривая левый глаз, но откладывал в сторону, мотая головой.

— Понимаешь, — размышлял он вслух, — когда человеку плохо, он страдает, ему надо забыться, чтобы боль утихла и он меньше о ней думал. Что-то обезболивающее...

— Забыться? — ухватилась Меделин за эту мысль и

вспомнила своего нового знакомого: `прочистить мысли`. И тут же вспомнила о ягодах. Она сидела и ревела на берегу, хотела умереть. А когда попробовала ягоды, душевная боль притупилась. Может, это то самое, что ищет доктор?

— Вот, — кивком указала ему на протянутую ладонь, в которой лежали горькие синие ягоды.

— Что это? — заинтересовался лекарь. — Где ты их взяла?

Стал принюхиваться, раздавил, лизнул. По его лицу пробежала искра надежды.

Меделин изобразила боль, положила ягодку на язык и потом сделала улыбку, показывая, как боль прошла. Освальд научился ее понимать по выражениям тела и лица и сразу сообразил, что она имеет в виду.

— Ты просто умничка! — и расцеловал девочку в щеки.

Схватил ягоду и поспешил рассмотреть ее под микроскопом.

Меделин поискала на полке мази для заживления ран, отобрала ту, что считала лучшей, и поспешила обратно к

несчастливым девушкам.

Трое неудачниц все еще сидели на старом матрасе, из которого по краям уже высыпалась прогнившая солома.

Девочка молча вошла и села позади Марго. Вытащила из баночки белую мазь и провела осторожно пальцем по самому красному рубцу. Марго вздрогнула и пискнула, как пойманная мышка.

— Ой, что ты делаешь? — обернулась она удивленно на девочку. И, встретившись взглядом с сочувствующими глазами Меделин, опять прослезилась: — Спасибо...

Никто никогда о ней так не заботился, а раны заживали сами собой, со временем.

Все три жертвы клиентов сидели молча, позволяя юной лекарке исцелить их страдания.

Нашлись ссадины и царапины на руках и ногах. И Меделин с радостью и заботой помогала женщинам почувствовать, что они не одиноки в своем несчастье.

Вечером она встретилась с Эльвирой и рассказала о своих приключениях за день: о шрамах, о ягодах, о докторе, кото-

рый, возможно, нашел новое лекарство, о новом друге индейце. И только сейчас со стыдом обнаружила, что даже не спросила его имени. А называть его индейским парнем было уже неловко.

— Вот я дуреха! — хлопнула себя по лбу. — У них же тоже есть имена. В следующий раз обязательно спрошу.

Эльвира улыбнулась и обняла ободряюще подругу.

Глава 13. Рукокрылая Орлица

Впечатлительная Меделин проснулась рано утром, быстро протерла столы, подмела пол, забрала корзиночку и поспешила к реке в надежде встретить нового друга.

Пробегая мимо конюшни, притормозила, разглядывая, как сонный конюх, зевая и потягиваясь, медленно насыпал в стойла овес. Улыбнулась этому моменту, посмотрела на еще серое небо, где далеко на горизонте только начали пробиваться ростки солнца.

Грудь переполняла волна радости и вдохновения. Индеец обещал показать ей, где растут ягоды, и научить разным премудростям.

Побежала сразу на место, где они ловили куропаток. Но пока там никого не было.

Она села на камень, подобрала длинную ветку и стала рисовать линии на песке. В реке плескались крупные рыбы, выпрыгивая и кувыркаясь в воздухе. Меделин провела волнистые линии, изображая реку, и овальчики, под которыми подразумевались рыбки.

— А ты хорошо чувствуешь мир, — неожиданно сзади раздался бархатный приглушенный голос.

Меделин встрепенулась и радостная обернулась:

— Ты меня напугал. Как ты так неслышно умеешь появляться?

Юноша усмехнулся:

— Это не трудно.

— Хорошо, что ты догадался прийти сейчас сюда... — начала девочка, но индеец остановил ее:

— Я во сне увидел. Ты пришла и позвала меня сюда.

Меделин вытаращила удивленные глаза.

— Ты тоже научишься чувствовать на расстоянии. Это самое простое. Сложнее понять мир вокруг тебя. Но и этому приходится постоянно учиться.

Парень сел рядом, и тут только Меделин заметила висящее вниз перо в его волосах. Пригляделась повнимательнее:

того же размера, что и ее перо, и с той же расцветкой. Она поспешно вытащила из длинного внутреннего кармана такое же и протянула приятелю.

— Хорошо, что ты его хранишь и носишь с собой. Поэтому мне легко слышать твои мысли, когда ты далеко.

— Это как это? — переводила взгляд с перьев на его хладнокровное лицо. И тут только догадалась: — Так это тоже твое перо? Это ты мне его там положил?

Юноша улыбнулся:

— Ты приняла его, и значит, мы теперь как двухкрылая птица. Ты моя сестра, я твой брат.

— А как тебя зовут? Я так и не спросила, — чуть смутилась.

— Орлиный Глаз. У меня острое зрение, и я вижу даже когда сплю. Я увидел, что ты хотела меня встретить. И вот я здесь.

— Ух ты, здорово, — всплеснула она руками. — А кто я тогда, как мое имя?

— Ты Рукокрылая Орлица. В тебе есть сила и дальновидность орла. А вместе мы еще сильнее.

— Что значит Рукокрылая? — наморщила задумчиво нос.
— Я же не могу летать.

— Это когда ты сама можешь управлять своей жизнью и лететь в ту сторону, куда захочешь.

— Хмм, — задумалась она, водя веткой по рисунку на песке и перечеркивая прежние линии.

Мысли ее переплетались, пытаясь осознать, кто она глазами индейца. Как можно быть свободной в плену законов продажного дома? Что может зависеть от нее?

Орлиный Глаз словно прочел ее сомнения и сказал:

— Силу Рукокрылой птицы ты получишь постепенно, шаг за шагом изучая себя и мир вокруг. Я помогу. Мне и самому надо еще многому научиться.

И тут Меделин вспомнила еще вопрос, который крутился в ее голове с вечера:

— А откуда ты знаешь английский? Как ты понимаешь

меня и говоришь со мной? Или это мое воображение?

— Нет, — улыбнулся молодой орел. — У нас в стойбище многие уже выучили твой язык. Мой отец говорит: `Живя в гнезде с орлами, учись говорить по-орлиному`. Особенно когда индейцев начали селить в резервации. Знаешь, как трудно сидеть на одном месте годами. Наш народ всегда переселялся с одного места на другое.

— Мы тоже поехали на другое место, но по дороге... — Меделин замолчала, увидев перед глазами страшную картину.

— Я знаю, — положил руку ей на плечо. — Это Великий Орел захотел, чтобы таким образом твои руки быстрее стали крыльями.

Она понимающе кивнула и бросила ветку. Вскочив с камня, махнула как крыльями руками:

— Обещаю, я научусь. Идем собирать ягоды. Мы будем делать из них лекарство.

Орлиный Глаз кивнул и, тоже спрыгнув на землю, махнул следовать за ним.

На дорогу ушло около часа. Они перебрались на другой берег, затем устремились к ущелью и там, под тенью свисающих скал, добрались до речной заводи. Вдоль нее на покрытых мхом камнях цвели желтоватые мелкие бутончики и созревали иссиня-черные ягоды.

— Собирай, но не бери незрелые, в них будет немного яда. Это нехорошо. Будет болеть голова и ныть тело.

— Хм, ладно, — кивнула Меделин, но заодно отдельно в платочек собрала и их.

— А что делать с цветами? Они, наверное, тоже полезные? — поинтересовалась юная аптекарша.

— Ну, я видел, как моя бабушка их собирала и натирала в воду для лошадей. Кони потом вставали на дыбы и бежали к кобылицам.

— Вот как?! — засмеялась Меделин и нарвала горсть цветочков. И, не дожидаясь вопроса, сама ответила: — Я часто слышу жалобы, что кони не могут запрыгнуть на кобылиц. Что в конюшне, что в борделе.

Парень пожал плечами: делай как хочешь.

Часть урожая Меделин решила отдать Освальду, часть оставить себе для собственных экспериментов.

Дорога обратно показалась короче, и к полудню, распрощавшись с названным братом, Меделин вернулась обратно. И к удивлению обнаружила, что ее ищет хозяйка.

Глава 14. Визит губернатора

Эшли столкнулась с подростком в коридоре, когда та спешила поделиться новостями с Эльвирой.

— Где ты гуляла так долго? — схватила девчонку за руку и потащила в комнату. — Сегодня приезжает губернатор. Все должны быть нарядными и встретить его с почестями. Давай, помоги девушкам одеться.

Меделин кивала, одновременно думая о своем урожае: как бы не испортить его, и лишь бы Эшли не пристала с расспросами, что это и зачем. Но хозяйку, взволнованную прибытием высокопоставленного чиновника, заботило лишь одно — как бы хорошенько нажиться, выбрав ему самых свежих и красивых работниц. В первых рядах, конечно, были близкие подруги Меделин — Эльвира и Чин Мей. Их и надо было нарядить особенно.

Эшли толкнула девчонку внутрь и приказала поторапливаться. Уловив момент, когда хозяйка ушла, Меделин вытащила горстку ягод и протянула китайке. Эльвира тоже была рядом, собирая локоны в пучки, похожие на лепестки.

Поправляющая корсет Мей отбросила наряды и кинулась со страстью изучать цветы и ягоды.

— Они помогают забыть проблемы, — вставила Эльвира, чтобы оградить подругу от соблазна выдать себя. Ведь они по-прежнему скрывали ото всех, что девочка заговорила.

— Неужели? — удивилась лекарка. — Надо будет попробовать смешать со змеиным ядом. У нас тоже росли похожие ягоды, лечили от ревматизма.

Меделин помогла девушкам собраться и поспешила тайком посетить доктора. Ей интересно было узнать, что он нашел особенного в ягодах, и дать ему новые.

Освальд, завидев входящую Меделин, вскочил и кинулся ей навстречу:

— Ты просто удача для меня! Вчера я смешал ягоду с порошком ползучего ягеля и дал пациенту. Его ужасно мучила подагра, он даже спать не мог от боли. И, съев этот состав, уснул через пять минут и проспал несколько часов. Представляешь, он забыл про боль и смог отдохнуть! Это потрясающе! — обхватил ее за плечи и заглянул внимательно ей в глаза. — У тебя природное чутье, талант. Ты меня вдохновляешь.

Меделин смущенно улыбнулась и достала три кулька: спелые, недоспелые и соцветия.

Освальд тут же их схватил и понес к столу разглядывать под микроскопом.

Третью часть Рукокрылая Орлица оставила себе, еще не уверенная, как будет хранить и что делать с будущим лекарством.

В чулане, где она спала со стареющими продажными женщинами-служанками, ей выделили сундучок, в котором она хранила свои сокровища и талисманы. У каждой было что-то свое, заветное, что скрашивало их горестную участь. Никто не насмехался над странностями друг друга, и потому хранить сокровенное было надежнее, чем даже в банковском сейфе. Да и ценность отдельных предметов была ценна лишь для ее владелицы, пробуждая какие-то особенно яркие воспоминания.

Раскрыв свой сундучок, Меделин перебрала содержимое. Там был лишь флакончик с недоконченными духами, который ей подарили год назад на Рождество. Ими она пользовалась редко, в особые праздники, чтобы надольше хватило. Браслет, который был на ее руке, когда ее подобрали, пла-

точек с инициалами мамы и деревянная коробочка, в которую она положила цветочки. Взяв с кухни две пустых бутылки из-под рома, насыпала в них спелые и недозрелые ягоды. Потом, немного подумав, сбегала опять на кухню и в одну пустую бутылку налила тайком самогон. Положила туда щепотку тех и других ягод. В другую добавила цветов. Потом, еще поразмыслив, позаимствовала у соседки немного сушеной конопли и добавила в настойки.

— Что будет, то будет, — выдохнула и, довольная собой, уселась рядом, представляя себя важной особой, к которой выстроилась очередь больных горожан. И все несли ей деньги, творог, окорока в оплату ее услуг. — Ох, — выдохнула еще раз, довольная своими мечтами.

— Меделин, ты где? — послышался писклявый голос раздраженной Эшли. — Где тебя носит?

Девочка поспешила захлопнуть свой сейф и выскочила из чулана, готовая помогать.

Несколько часов шли кропотливые приготовления к визиту почетных гостей. На столах даже появились скатерти, которых отродясь там не было. Девушки стояли в ряд, все нарумяненные, больше похожие на пасхальные куличи. Меделин затаилась позади всех, укутавшись в свой плащ-невидимки.

димку.

На улице послышался конский топот и скрежет колес. Фыркание лошадей и цыканье кучера подтвердило, что гости прибыли. Эшли с Майклом выскочили наружу, низко раскланиваясь и приседая в приветственных реверансах.

Дородный мужчина в черной шляпе и с длинной тростью важно вылез из тарантаса и пристально оглядел присутствующих.

— Добро пожаловать в Деррил! — наперебой приветствовали его банкир, мэр и шериф.

Губернатор лишь слегка кивнул и неспешно зашел в зал. Девушки кокетливо склонились и зашуршали веерами. При виде этих знойных красоток на угрюмом лице появилось подобие улыбки.

Гостя усадили за стол, куда стали приносить изысканные угощения, какие только можно было придумать в таком захолустье, как Деррил. Губернатор, привыкший и не к таким изыскам, брезгливо их разглядывал, а когда перед ним налили рюмку изумрудной настойки, поморщился и замотал головой:

— Я не пью. У меня мигрень.

— Ну тогда попробуйте здешние запеканки. Они самые лучшие в округе, — поспешила угодить Эшли.

Гость позволил. Затем внимательно разглядел вилку, протер салфеткой, поморщился и ткнул кусок пирога с мясом.

Под руководством хозяйки девушки устроили небольшое представление на сцене. Гости аплодировали, все пытались угодить. И среди этого показного веселья Чин заметила, как губернатор прикусил губы и по лицу пробежала мучительная тень. Стараясь скрыть от окружающих, он потер лоб. Мей поняла, какую сильную головную боль он прячет, и тихо проскользнула к нему. Вытащила из-за пояса малюсенькую металлическую коробочку, открыла и сунула ему под нос, склонившись над больным, чтобы со стороны казалось, будто она просто его соблазняет. А на ухо шепнула:

— Не бойтесь, сейчас боль утихнет.

Не успев понять, что произошло, мужчина только смотрел на мраморное лицо китайской красавицы и послушно молчал. Резкий запах настоянных трав быстро подействовал, и мучительная тень сползла с его вечно угрюмого лица.

Чин уже собиралась покинуть гостя, как он молниеносно схватил ее за руку и притянул к себе:

— Мне подходит ваша компания.

Девушка послушно улыбнулась, а Эшли просто расплылась в довольной улыбке. Благосклонность губернатора означала хорошую прибыль.

После официального визита чиновник приказал отвезти его в номер и пригласил Мей последовать за ним.

После выступления девушки стали обслуживать делегатов, прибывших вместе с мэром. А Меделин, по обыкновению, прислуживала, убирая из-под рукавов недоеденные закуски и подливая самогон и виски в опустошенные бокалы.

Чин ночевала в гостинице, а точнее, лечила больного. Все три дня, что он оставался в городе, губернатор не выпускал ее и даже предложил уехать с ним, чтобы она стала его личной медсестрой. Но, подумав немного, она отказалась. На прощание подарила ему ту самую нюхательную коробочку. На лице губернатора было написано глубокое разочарование, когда он садился в тарантас и среди провожающих смотрел лишь на Мей.

— Эх ты, упустила свою золотую возможность вырваться из этой гнилой ямы! — укоряли ее девушки.

И только оставшись наедине с Эльвирой и Меделин, Чин ответила:

— Я осмотрела его. Он уже не жилец. Пару месяцев, максимум полгода, если моя мазь поможет. А потом меня обвинят в его смерти. Зачем мне это? Кто поверит в невиновность самозванки? Для них китайские беженцы тут сродни краснокожим. Лучше мне остаться здесь с вами, нежели болтаться на рее.

Этим она закончила недоумения соратниц. И этим примером еще раз вернула всех в реальность из их грез о сказочных чудесах.

Глава 15. Записка для Сэра Генри

Эльвира, расстроенная потерянным шансом для Чин, вернулась к своим мечтам. Вытащив из шкатулки письмо от любимого, прижала к груди.

— Эх, почему я не умею читать... — и тут ее озарило. Схватив конверт, побежала будить подругу.

Меделин уже погружалась в глубокую дрему, когда ее вдруг растолкали, и громкий шепот Эльвиры прямо уколол ей уши:

— Проснись, Меди! — трясла ее, пока та не очнулась. — Вот, письмо Эндрю. Научи меня тоже читать. И может, я сама смогу ему ответить.

Меделин кивнула и снова провалилась на матрас, еще сильнее кутаясь под штопаным одеялом.

Довольная обещанием, Эльвира убежала к себе и всю ночь грезила перепиской с любимым.

Проснувшись утром, Меделин вспомнила вечернее обе-

щание и содрогнулась: как же далеко зашла ее ложь. Как теперь она это исправит? Сэр Генри прогнал ее из класса, а денег на уроки у нее еще не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.